

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Цепилова В. И.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, vera.cepilova@uapa.ru

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)г

Цель. В статье анализируется научная литература, созданная историками-эмигрантами 1920–1930-х гг. и посвященная правовым основам вхождения Украины в состав России, а также проблеме формирования крепостного права в Малороссии.

Методы. Опираясь на принципы системного подхода, автором используются методы сравнительного-исторического и критического анализа.

Результаты и научная новизна. Автором рассматривается вопрос становления украинской государственности на основе исследований историков-украиноведов, рассматриваются аспекты становления и самоопределения украинского народа.

Ключевые слова: эмигрантская историография, украинская государственность, правовые основы и управление Малороссией.

“UKRAINIAN ISSUE” IN THE POST-REVOLUTIONARY EMIGRANT HISTORIOGRAPHY

Tsepilova V. I.

Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of Philosophy and Political Science Department of the Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, vera.cepilova@uapa.ru

Purpose. The article analyzes the scientific literature, created by historians emigrants of 1920–1930 and on the legal basis of Ukraine’s joining to Russia, as well as the problem of formation of serfdom in the Ukraine.

Methods. Based on the principles of the system approach, the author uses the methods of comparative-historical and critical analysis.

Results and scientific innovation. The author discusses the Ukrainian statehood on the basis of Ukrainian study researches historians, considered aspects of the formation and self-determination of the Ukrainian people.

Key words: emigrant historiography, Ukrainian statehood, the legal framework and management of Malorossiya.

Проблема становления и развития украинской государственности и формирования украинской нации в свете современных трагических событий приобретает особую актуальность. В дореволюционной историографии сложилось две точки зрения на данные вопросы: первые авторы считали украинский язык диалектом русского языка, другие – это другой язык, другая, чем русские, нация. В соответствии с этими подходами рассматривались и трактовались исторические

события. При этом понятие «нация» первыми трактовалось как этнос, являющийся частью народа, образовавшего государство. Вторые под нацией подразумевали этнос, имеющий право на самоопределение, на государственность.

«Практические» действия различных политических сил по созданию независимого государства в период гражданской войны в России завершились созданием Украинской Советской социалистической

республики, ставшей одной из государств-учредителей СССР. В советской историографии была заложена традиция представлять мини-славянское единство трех братских народов, имеющих общую колыбель – первую Киевскую государственность, культурный код, заложенный православием, общую судьбу после воссоединения Украины с Россией.

Теоретические споры рубежа веков продолжились в эмиграции: наряду с русскими общественными организациями, системой образования, научными институтами сложились аналогичные украинские структуры, которые также получали поддержку правительств стран-реципиентов. По заказу Донской исторической комиссии историк-эмигрант С. Г. Сватиков подготовил 600-страничный труд «Россия и Дон. 1549–1917 гг.», в котором систематизировал «украинофильскую» историографию [1].

Поскольку современные украинские историки в значительной степени повторяют основные тезисы данной работы, представляет интерес критика этого труда, данная современниками, которых трудно заподозрить в марксистской методологии и большевистской ориентации. В данной статье автор ставит цель – рассмотреть дискуссию об украинно-российских отношениях в XVI–XVIII вв. в пореволюционной эмигрантской историографии.

В подзаголовке к основному названию работы С. Г. Сватиков конкретизировал предмет изучения – история государственного, административного права и политических движений на Дону. Уточнение показывает, что главное внимание автор сосредоточил на юридических основах положения и управления Донской областью в составе России и на политических представлениях казачества. В отличие от предшественников (С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, М. Ф. Владимирского-Буданова), которые рассматривали Дон с момента присоединения как провинцию Московского государства с широким самоуправлением, Сватиков выделил три периода в политико-правовом положении территории: с 1549 г. по 1614 г. Дон представлял собой совершенно независимое республиканское государство; с 1614 г. по 1671 г. это государство находилось в вассальной зависимости от Московского государства; с 1671 г. это вассальное государство превратилось в автономную провинцию Московского царства. Издание в 1835 г. «Положения об управлении Войска Донского», по мнению автора, оставило от былой автономии Донской области ничтожные обломки. Таким образом, автор рассматривает историю Украины с момента Переяславльской Рады как постепенную утрату ее государственного суверенитета (причем «республиканского» по форме) в составе Московской Руси и императорской России.

Юридические основы взаимоотношений Москвы и Дона с момента присоединения Донской территории, положенные в основу данной периодизации, были проанализированы А. А. Кизеветтером, который, прежде всего, отметил внутреннюю противоречивость работы: приведенные автором факты опровергали само построение [2]. Так, Сватиков утверждал, что с 1549 г. по 1614 г. Дон являлся «самостоятельным государством», которое вступало с Москвою в случайные и непрочные союзные отношения. Но на стр. 53 автор пишет, что в 1604 г. Донское войско заявляло «о своем подданстве Лжедмитрию» как «природному государю своему». Кизеветтер справедливо спрашивал – как совместить «государственную независимость и самостоятельность Дона» с признанием московских царей «природными государями»? С 1614 г. Дон становится в глазах исследователя вассалом Московского государства, то есть предполагается, что донцы взяли на себя обязательство служить сюзерену и платить ему дань. Но оказывается, что не Дон платил Москве вассальную дань, а Москва посылала на Дон «царское жалованье» за службу. По мнению Сватикова, это была «типичная» вассальная служба и состояла она в том, что донцы являлись на службу, когда сами захотят и могли уходить со службы, когда им заблагорассудится [1, с. 45]. Однако такого рода служба не только не может быть признана «типично вассальной службой», но и вообще не могла бы быть подведена ни под какую-нибудь юридическую классификацию. На самом деле из фактов, приведенных самим автором, выясняется, что эти самовольные уходы донцов со службы в Москве рассматривались просто как измена. В Разрядной книге в таких случаях писалось: «донские казаки изменили», ушли «без отпуску», т.е. без разрешения. С. Г. Сватиков трактовал это явление в таком смысле, что казацкие уходы со службы не нравились московским властям, но «право было на стороне донцов, ибо донцы считали себя вправе покидать службу самовольно». Автор проявлял своеобразное представление и о вассалитете и вообще о праве. Одно из двух: либо самовольный уход казаков со службы был изменой и в таком случае они не имели права уходить, или это было их право и тогда отпадает всякая речь об юридически урегулированных отношениях между донцами и Москвой.

Попытка С. Г. Сватикова подтвердить самостоятельность Дона на основе его подчиненности определенному приказу, по мнению А. А. Кизеветтера, также была неудачной. До 1614 г. донские дела были в ведении Разрядного приказа; в 1614 г. они были переданы в Посольский приказ, учрежденный в 1601 г. «Таким образом, говорит автор, Москва признала Дон государством и установила отношения с колонией через ведомство иностранных дел» [1, с. 45]. Данное утверждение не выдерживает никакой критики.

Во-первых, распределение дел по московским приказам было вообще очень хаотично и строить на этом юридические заключения довольно рискованно: передача Дона в ведение Посольского приказа никак не могла означать его признание Москвой как суверенного государства. Во-вторых, становясь на точку зрения С. Г. Сватикова, пришлось бы признать, нечто прямо противоположное. Если до 1614 г. делами Дона управлял Разрядный приказ, который занимался проблемами управления территориями Московской Руси, то никак нельзя утверждать о признании Дона в этот период государством [2, с. 493].

С 1671 г. Дон, по мнению С. Г. Сватикова, превращается из вассального государства в автономную провинцию Московского царства, сохранив, однако, республиканское устройство [1, с. 109]. Автор опять запутался в юридических «сетях». А. А. Кизеветтер совершенно справедливо задает вопросы: каким образом автономная провинция монархического государства может быть республикой? Если бы даже выборные власти области не подлежали никакому утверждению со стороны центрального правительства, то и в таком случае было бы еще далеко до республики, раз область была признана провинцией Московского царства. Более того, в действительности выбранный войском атаман должен был получить от царя знак своей власти.

Отмечая противоречивость схемы, предложенной С. Г. Сватиковым, историческим фактам, излагаемым самим автором, Кизеветтер приходит к выводу о тенденциозности и публицистичности многостраничного труда.

Второй недостаток работы Кизеветтер видел в явной идеализации казачества: «Через всю книгу красной нитью проходит глубокое убеждение в том, что каждый казак является прирожденным носителем идеи республиканства и социального равенства» [2, с. 383]. Но при этом «прирожденные республиканцы» одновременно оказываются «упорными носителями идеи демократического царя»: «донские казаки всегда помнили, знали и выражали во всех актах, что царь является национальным вождем всего русского народа... от начала и до конца донской республики верховная национальная гегемония царя являлась непрекращаемой для граждан этой колонии и других казачьих демократий. Из этого-то чувства по отношению к царю, наряду с энергичной защитой казаками республиканского устройства и вытекает всегдашнее желание казачества видеть во главе Руси... справедливого, народного царя» [1, с. 52]. Республиканцы, жаждущие царя, — это звучит также убедительно, как и вассалитет с правом вассала служить или не служить сюзерену по своему усмотрению.

Не выдерживало критики и утверждение автора «России и Дона» о том, что царство Пугачева было казачьей республикой, ибо Пугачев был в плену

у группы казаков, у «пущих заводчиков» во время своего государственного владычества. Таким образом наличие ближней камарильи представляется доказательством «республиканизма», а тезис, что «сама пугачевщина была «восстанием республиканской партии колонии против самодержавно-крепостнической метрополии» [1, с. 217] полностью игнорирует факты, связанные с самозванством Пугачева, выступавшем по имени Петра III.

Суждение Сватикова о присущем каждому казаку «эгалитарном духе» опровергается самим автором, когда он добросовестно излагал историю расслоения казачества на рядовую казацкую массу и на привилегированную старшину, показывая стремление этой старшины занять положение великороссийского дворянства и резкое социальное неравенство, которое развивалось на Дону с осуществлением этих стремлений. Причем исследователь подчеркивает, что имперское правительство, оформляя законодательно стремления казачьей старшины, «зачастую просто следовало за процессом, происходившем в недрах самого общества, санкционировало результаты эволюции, уже достигнутые на местах» [1, с. 248]. И при всем этом автор говорит — казаки прирожденные сторонники социального равенства.

Таким образом, А. А. Кизеветтер выступил с защитой господствовавшей в дореволюционной России точки зрения на проблему вхождения территории Дона в состав Московского государства. При этом как сторонники такого подхода, так и оппоненты использовали термин «присоединение», а не «воссоединение», ставшим ключевым в советской историографии.

Глубочайшее знание российских исторических процессов, полемический талант Кизеветтера в какой-то степени «компенсировали» публицистичность его рецензии. Более основательная критика работы С. Г. Сватикова, базирующаяся на обширном архивном материале, была дана В. А. Мякотиним, которому удалось вывезти в эмиграцию собранный им для магистерской диссертации архивный материал [3].

Как и в работе С. Г. Сватикова, исходным моментом «Очерков социальной истории Украины в XVIII–XVIII в.в.» В. А. Мякотина стало восстание Б. Хмельницкого и присоединение Украины к Московскому государству. В ходе восстания шел выбор пути развития: останется ли Украина частью польского государства, быть ли ей независимым государством или оказаться в составе России. Анализ документов позволил автору сделать вывод о том, что в ходе борьбы (как в самом начале восстания, так и после побед, одержанных над польской армией) и во время переговоров с московским правительством казацкие вожди, в том числе Хмельницкий, не преследовали в качестве цели социальный переворот, не выдвигали требований о полной и радикальной перестройке существовавшего на

Украине общественного порядка. Программа руководителей восстания заключалась не в отрицании основ старого строя, а в стремлении к количественному увеличению прав и вольностей казачества. Последовательно проводя эту точку зрения, гетман и войсковая старшина указывали московскому послу боярину Бутурлину на необходимость после ее присоединения к Москве сохранения на Украине старых сословных порядков: «и государь бы пожаловал..., чтобы шляхтич был шляхтичем, а казак-казак, а мещанин-мещанином» [3, с. 51]. Сам Б. Хмельницкий принимал целый ряд весьма суровых мер, вплоть до «горлового каранья» для того, чтобы вернуть восставших крестьян в былое «послушание» своим панам. По представлениям восставших, московский государь по объему и значению своей власти на территории Украины должен был стать прямым преемником польских королей. Неудивительно, что в таких условиях так называемые «пункты Б. Хмельницкого» и жалованная грамота Московского государя запорожскому войску «все изменения в социальной жизни Малороссии, в момент ее отторжения от Польши, сводились к численному увеличению казачества и расширению его прав и привилегий» [3, с. 31]. То есть вопрос о государственной независимости в ходе переговоров с Москвой даже не ставился, речь шла о вхождении в состав Московского государства.

Вместе с тем Мякотин, опираясь на эти факты, считал, как и его украинские коллеги, что «статьями» Б. Хмельницкого Малороссия не столько заключала династическую унию с Москвой, сколько становилась в отношении последней в положение вассального государства» [3, с. 29]. В рецензии на три выпуска «Очерков...» Мякотина историк Д. М. Одинец отметил эту противоречивую позицию автора. По его мнению, с правовой стороны термин «вассальная зависимость» в той же мере неприложим к этим статьям, что и термин «уния». Тот факт, что казацкий гетман получил от Московского царя право дипломатических сношений с другими землями, за исключением Польши и Турции, не должен был вводить в заблуждение. Согласно московским государственным порядкам, каждый крупный пограничный воевода имел такое право, причем Новгородский воевода имел полномочий больше, чем те, которые были предоставлены «гетману войска запорожского» [4, с. 508].

В «Очерках...» исследователь поставил перед собой вопрос – Каким образом малороссийское общество, освободившись от «польского» крепостничества, превратилось снова в общество сословное, опирающееся как на свой фундамент на закрепощенное крестьянство.

Мякотин убедительно показывает процесс «замещения» «ляцких панов» на «заслуженных и знатных

малороссийских людей», в свою очередь обратившихся в «панов» над малорусским крестьянством. Эти новые паны были владельцами имений, «державцами местностей», а число имений, находившихся в их власти, быстро возрастало [3, вып. 2, с. 143]. Свободные войсковые поселения, по мере все увеличивавшегося высвобождения войсковых властей из-под контроля широких масс, вместе со своим населением отдавались под власть разного рода «державцев». Новые частновладельческие имения, дававшиеся ранее условно, с сохранением за гетманским урядом права их возврата, постепенно начинают закрепляться за их владельцами на правах собственности. Автор пришел к выводу, что спор между свободным крестьянским селом и владельческим имением к 80-м годам XVIII в. закончился полной победой последнего, включившего в свои пределы, за ничтожными исключениями, почти все крестьянское население страны» [3, вып. 2, с. 252]. Мякотин отмечал, что права новых земельных собственников над населением их имений были вначале значительно скромнее, чем права прежних, но вскоре и они стали расти.

Одновременно шел процесс дифференциации малорусского общества. К началу XVIII в «знатное товарищество» «сомкнулось в более прочную и устойчивую группу, отделенную от массы населения, в том числе и от рядового казачества не только условиями своего хозяйственного быта, но и некоторыми правовыми гранями» [3, вып.3, с. 29]. Отсюда вел уже прямой путь к вхождению малорусского шляхетства в состав российского дворянства.

Изменялось положение не только мещан и крестьянства, но и рядовых казаков: оно становилось в этих условиях все менее устойчивым. «Стоило более или менее сильному «державцу» получить местность или селе, в числе жителей которого были казаки, и он немедленно начинал захватывать соседей казаков в свое подданство, не останавливаясь в этом захвате перед прямым насилием» [3, вып.3, с. 119]. В результате не только быстро возрастает численный состав малорусского владельческого крестьянства, успевшего юридически обособиться от других разрядов местного населения, но и самое крестьянство начинает решительно идти по пути к своему окончательному закрепощению.

Исследование В. А. Мякотина давало новую трактовку становления крепостного права на Украине. Вместо традиционной точки зрения об указной основе этого процесса при Екатерине II, автор доказывал, что центральное правительство даже препятствовало «державцам» и войсковой старшине в их стремлении увеличить свои привилегии. Екатерининский указ от 3 мая 1783 г. только подвел окончательный итог длительному естественному процессу, осуществляя тем самым исконные «мечты малорусских державцев» [3, вып.3, с. 217].

Таким образом, основные проблемы, волновавшие русское зарубежье, можно условно свести к двум: становление и трудности развития украинской нации-государства в рамках Российского государства; и формирование системы крепостного права на территории Войска Донского. Не менее острыми они остаются и сегодня. «Процесс самоопределения наций» – это, прежде всего, – внутренней идентификации общества. По справедливой формуле, данной еще одним историком-эмигрантом П. М. Бицилли, нации – это не набор свойств, а процесс, органической частью которого является борьба государства как института и общества. Стремление государства «пухнуть» за счет ущемления прав общества, его многонаречия, самостоятельности, самобытности территорий ведет к уничтожению самой «нации» [5, с. 321]. Какой выйдет из современного кризиса украинская нация, состоялась ли украинская государственность – покажет время.

Литература:

1. Сватиков С. Г. Россия и Дон. 1549–1917 гг. Издание донской исторической комиссии. 1924. 592 с.
2. Кизеветтер А. А. Рец.: С. Г. Сватиков. Россия и Дон. 1549–1917 гг. Издание донской исторической комиссии. 1924. // Современные записки. 1925. Т. 23. С. 493–495.
3. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVIII–XVIII в.в. Вып. 1. Прага, 1924. 263 с.; Вып. 2. Прага, 1925. 217 с.; Вып. 3. Прага, 1926. 220 с.
4. Одинец Д. М. Рец.: В. А. Мякотин. Очерки социальной истории Украины в XVIII–XVIII в.в. Прага, 1926. Т. 1. 263 с., Т. 2. 217 с. // Современные записки. 1926. Т. 26. С. 515–518.
5. Бицилли П. М. Наследие империи // Современные записки. 1927. Т. 32. С. 311–325.

References:

1. Svatikov S. G. Russia and Don. 1549–1917. Publ. of the Don historical commission. 1924. 592 p.
2. Kiesewetter A. A. Ref.: S. G. Svatikov. Russia and Don. 1549–1917. Publ. of the Don historical commission. 1924. // Contemporary notes. 1925. V. 23. P. 493–495.
3. Myakotin V. A. Essays on social history of Ukraine in XVIII–XVIII cent. Iss. 1. Prague, 1924. 263 p.; Iss. 2. Prague, 1925. 217 p.; Iss. 3. Prague, 1926. 220 p.
4. Odinets D. M. Ref.: V. A. Myakotin. Essays on social history of Ukraine in XVIII–XVIII cent. Prague, 1926. Vol. 1. 263 pp., Vol. 2. 217. // Contemporary notes. 1926. V. 26. P. 515–518.
5. Bicilli P. M. Heritage of Empire // Contemporary notes. 1927. V. 32. P. 311–325.